

ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР НИКОЛАЙ АНОСОВ: ЗОЛОТОЙ САМОРОДОК ИМПЕРИИ

МЕМУАРЫ ИЗЫСКАТЕЛЯ, ОТКРЫВШЕГО ФЕНОМЕНАЛЬНЫЕ МЕСТОРОЖДЕНИЯ ЗОЛОТА,
ОБЪЯСНЯЮТ ДРАМУ ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ ОТЕЧЕСТВА НА СЛОМЕ ЭПОХ

ОТКРЫТИЕ НИКОЛАЯ АНОСОВА НЕ БЫЛО ДОЛЖНЫМ ОБРАЗОМ ЗАФИКСИРОВАНО НА ОСИ ВРЕМЕНИ И СООТНЕСЕНО СО ЗНАКОВЫМИ СОБЫТИЯМИ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

4

4 апреля 1866 года у рощетки Летнего сада в Петербурге террорист

Дмитрий Владимирович Каракозов (1840–1866) неудачно стрелял в Александра II. В этот же самый день в далеком и недавно присоединенном к Российской империи Верхнем Приамурье горный инженер Николай Павлович Аносов (1833–1890) при проходке (рытье) шурфа обнаружил богатое месторождение золота. «Странная случайность, в этот именно день был у нас первый богатый шурф»¹.

Этому незаурядному открытию было суждено стать главнейшим фактором освоения Дальнего Востока.

Правда технаря-патриота

Мифологизация отечественной истории заключалась в том, что если о первом революционно-террористическом акте в истории государства Российского писали много и обстоятельно в зависимости от политической конъюнктуры превознося его или осуждая, то о выдающемся открытии богатейших золотых россыпей знали лишь узкие специалисты по истории геологии и горного дела. Открытие Аносова не было должным образом зафиксировано на оси времени и соотнесено со знаковыми событиями не только золотого века русской дворянской культуры, но и эпохи Великих реформ. Мифологизируя события политической сферы жизни общества, историки фактически не заметили исключительное событие в сфере экономики, которое непосредственно сказалось на судьбе огромного региона.

В 2023 году издательство «Кузково поле» выпустило в свет недавно выявленные «Записки горного инженера», написанные Аносовым в 1880 году в Павловске. Обычно мы смотрим дореформенную и пореформенную Россию глазами либерально настроенного мемуариста-гуманитария, не только не разбиравшегося в экономических вопросах, но и не желавшего в эти

вопросы вникать. Мемуариста, для которого вся предшествовавшая история государства Российского не представляла никакой ценности, уничтожительно трактовалась по Салтыкову-Щедрину и воспринималась исключительно как история города Глухова.

Мемуары Аносова, убежденного монархиста и искренне верующего человека, написаны шваче. Они удивят внимательного читателя своим нетривиальным ракурсом постижения былого. Мы видим прошлое глазами незаурядного и в высшей степени совестливого человека, получившего капитальное техническое образование, но не утратившего веры в Бога. Интересная и познавательная книга позволяет приблизиться к ответу на вопрос «Как следует писать историю, чтобы избежать любого неадекватного представления связей и отношений реальности, и какой шкалой ценностей должно воспользоваться, чтобы история не стала мифом?»

Поступь железного века

Посмотрим на жизнь и судьбу горного инженера в масштабе большого исторического времени и убедимся в том, что его открытие не было счастливой исторической случайностью. Оно эффектно венчало собой новую тенденцию в бытии образованного общества, наметившуюся уже в первые годы жизни Аносова.

В 1835 году, когда будущему горному инженеру еще не исполнилось и двух лет, Евгений Абрамович Баратынский опубликовал в историко-литературном журнале «Московский наблюдатель» большое программное стихотворение «Последний поэт». Поэт эпически взглянул из Космоса на время, в котором ему выпало жить, и констатировал завершение золотого века культуры — как в Отечестве, так и в просвещенной Европе. На смену золотому шел железный век с новой системой ценностей, не имевших ничего общего с романтическим взглядом на мир.

*Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливой, бесстыдной заплата.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколения,
Промышленным заботам преданы¹.*

Прошло несколько лет, и тайная политическая полиция, помимо прочих функций занимавшаяся профессиональным анализом общественного мнения, констатировала радикальные изменения в общественной психологии. Шеф жандармов генерал от кавалерии граф Александр Христофорович Бенкендорф в заключении к «Нравственно-политическому отчету за 1843 год» информировал Николая I о трансформации шкалы ценностей политического класса:

*1

*2

*3

*1,2
Горный инженер Николай Аносов и его изданные записки.

*3
Свидетельство горного инженера Николая Аносова.

*4
А это рисунок, сделанный его рукой.

«Высшее общество, которое в прежнее время дозволило себе рассуждать о действиях правительства, гласно хваля или порицая принимаемые им меры, уклоняется ныне от подобных суждений и ко всему хранит какое-то равнодушие. То же самое замечается и в других слоях общества, все как будто поражены какою-то апатией! Но с другой стороны, дух европейской положительности (le positif) проникнул и в Россию. Наши юноши, которые еще недавно думали только о блестящем мундире, обратились теперь к хозяйству и к добыче денег»².

В 1847 году Иван Александрович Гончаров в журнале «Современник» опубликовал роман «Обыкновенная история», где устами Петра Ивановича Адуева, дяди романтического настроенного главного героя Александра и его абсолютного антипода, удостоверял: романтическая шкала ценностей превратилась в анахронизм, а в обществе окончательно возобладала и укоренились новые ценности, впоследствии названные буржуазными.

«Посмотри-ка на нынешнюю молодежь: что за молодцы! Как все кипит умственной деятельностью, энергией, как ловко и легко управ-

ляются они со всем этим вздором, что на вашем старом языке называется тревожностями, страданиями... и чорт знает что еще!»⁴.

Издатель авторитетного журнала и по совместительству привгль дяди без обиняков заверил: «Наука, труд, практическое дело — вот что может отрезвить нашу праздную и большую молодежь»⁵.

Несостоявшийся гусар

Николай Павловича Аносова не надо было уверять в справедливости этой истины. Именно такими практическими делами и занимался всю свою сравнительно недолгую жизнь потомственный горный инженер, в неполные тридцать три года (возраст Иисуса Христа) открывший знаменитые Янканские и Джалиндзинские золотые россыпи.

Его отец, генерал Павел Петрович Аносов, был главным начальником Алтайских горных заводов, томским губернатором и знаменитым создателем российского булата. Генерал Аносов обладал фактически неограниченной властью. «Тогда не было еще телеграфов и почты ходили чуть ли не раз в две недели, и в этом захолустье начальник [завода] был просто царь. Везде его встречал и провожал полицмейстер, скакавший на парных дрожжах... Народ, проходя мимо дома, снимал шапки»⁶.

Семья была большая — пять братьев и пять сестер. Но именно средний брат Николай резко выделялся на общем фоне, уже в раннем детстве демонстрируя незаурядные лидерские качества. «Из братьев я всех был бойчее, поэтому при игре в солдаты всегда был главным генералом. Старший брат был моим адъютантом, а третий, Пётр, был всегда барабанщиком»⁷.

Николай, прельщенный видом роскошного гусарского мундира и медвежьей шапкой с белым султанчиком, и его старший брат Павел мечтали стать лейб-гусарами. Но братьев быстро отрезвила прагматичная фраза матери: «нет у нас состоянья»⁸. В итоге братья пошли по стопам отца. Генерал утешал сыновей, «приводя себя в пример, советовал трудиться и надеяться на свои силы»⁹. Николай хорошо усвоил отцовское напутствие. За заслуги отца в возрасте двенадцати лет он был на казенный кошт определен в столичный Институт Корпуса горных инженеров. В этом закрытом учебном заведении провел восемь лет, получил прекрасное политехническое образование и в неполные двадцать лет был выпущен со званием горного инженера и чином поручика.

Осознавая себя человеком способным, трудолюбивым и целеустремленным, Николай не желал идти по проторенной карьерной колее, не сулящей ему в будущем заманчивых и высоких служебных назначений. Он не алкал потрясения основ и стремился к личному преуспеянию в неизменном мире. Планируя в будущем стать обе-

⁴ 5
Генерал Павел Петрович Аносов.

^{6, 9}
Путевые рисунки его сына Николая.

⁷
Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский.

⁸
Маршруты Николая Аносова в Уссурийском крае.

спеченным человеком, новоиспеченный горный инженер принципиально не хотел для достижения поставленной цели обворовывать казну, что в то время считалось делом обыкновенным. «Экономия» — под этим профессиональным термином скрывалось заурядное воровство. «И эта экономия давала служащим громадные состояния. Всё было устроено правильно и систематически. Начальник заводов облагал податью управляющих округами, тот, в свою очередь, приставов, а эти были уже главными деятелями по части экономии»¹⁰.

Аносов не пожелал стать колесиком или винтикком коррупционных схем. Но мысли честолюбивого юноши о грядущем служебном поприще были неутешительными. Он отлично осознавал, что горному инженеру не приходится рассчитывать на блестящую карьеру.

Особые поручения Муравьева-Амурского

«Карьера впереди плогавенькая, узенькая. Пошлют на заводы, и будешь там служить службой заурядной, затем женишься, пойдут детки, будешь их постепенно высылать в Питер для обучения, а там надо дослужиться до 25-летней пенсии, и, в конце концов, приходилось превратиться в этих инженеров-самородков, которые ... среди столичных жителей имели всегда довольно несчастный вид»¹¹.

Наш мемуарист не преувеличивал. Он запомнил на всю жизнь, как отец, царь и бог на своих горных заводах, в Петербурге резко вытнулся в струнку и приложил руку к форменной шляпе, когда по шоссе промчался экипаж министра финансов. Николай был шокирован и тем, что в Павловске герцог Максимилиан Лейхтенбергский, зять Николая I, заметив с балкона генерала Аносова, не пригласил его к себе, хотя в свою бытность на Алтае познакомился со знаменитым генералом и был тепло принят в его доме. Юноше объяснили, что придворный этикет не позволил герцогу это сделать. Имевший генеральский чин, прославленный металлург был

слишком незначительной фигурой для столицы империи. Так наблюдательный мемуарист понял, какая незавидная карьера его ожидает в будущем, и сделал радикальный вывод:

«Не мирилась моя натура с этой вялой, хотя прочной в отношении насущного хлеба, карьерой. Клокотало что-то у меня в груди, и душа требовала чего-то иного. Чувствовался избыток сил, и не хотелось тратить их бесплодно на столь ничтожную рутинную колею. Странным мне казалось, что этот кругозор вполне удовлетворял потребности моих товарищей. Никто из них не роптал...

Между тем, натура требовала творчества...»¹²

И эту потребность ему удалось реализовать. Аносов пренебрег назначением на Алтай, где память о заслугах отца сулила ему удачный карьерный старт, и в 1853 году, неполных двадцати лет от роду, определился на службу в Восточную Сибирь, в Нерчинский горный округ. Фактически он стал чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Николае Николаевиче Муравьеве (1809–1881), который в 1858 году за труды по освоению Амурского края был пожалован в графы Российской империи с наименованием Амурский.

Хотя в Нерчинск по сложившейся традиции «отправляли худших инженеров»¹³, Аносов вывел свой счастливый билет.

Облава на золото

Генерал Муравьев справедливо считался одним из лучших администраторов своего времени: «человек свежий, энергичный, да и край-то почти новый, захочешь работать — работа найдется»¹⁴. Генерал-губернатор не собирался zatrudять горного инженера канцелярской работой, с которой обычно ассоциируется должность чиновника особых поручений. Именно Муравьев поручил Аносову заняться поисками золота. «Он повторял неоднократно, что инженеры, обладающие научными данными, должны лучше искать, нежели приказчики, как только они приоб-

Я БУКВАЛЬНО ЛЕТАЛ ПО ВСЕМУ НЕРЧИНСКОМУ ОКРУГУ, И ВСЮДУ, ГДЕ СЛЕДОВАЛО, ЗАДАВАЛ ТОЛЬКО ОДИН ШУРФ НА ВСЮ ДОЛИНУ. ЭТО БЫЛА НАСТОЯЩАЯ ОБЛАВА.

НИКОЛАЙ АНОСОВ

ретут практический навык. Он совершенно увлек меня, и я отдал предпочтение золоту»¹⁵.

Генерал не ошибся в своем выборе. Аносов разработал принципиально новый алгоритм поисков, о котором подробно поведал в воспоминаниях:

«Чем больше и чем богаче золотая россыпь, тем легче ее найти, и чем она меньше, тем труднее ее найти. Этому убеждению я следовал постоянно и ему всему обязан. ...Я буквально летал по всему Нерчинскому округу, и всюду, где следовало, задавал один только шурф на всю долину. Я назначал долины, помощники выбирали в них место для шурфа, и у меня за раз в нескольких частях Нерчинского округа шла шурфовка. Это была настоящая облава»¹⁶.

Всего-навсего на второй год поисков в 83-м шурфе по реке Бальдже в Забайкальском крае было найдено золото. «Золото оказалось гигантское, со всеми удобствами для работ»¹⁷.

Аносов сделал резкий карьерный рывок: получил орден Св. Анны 3-й степени, чин штабс-капитана, пенсию 600 рублей в год и, самое главное, «положил начало своего реноме как инженера-золотоискателя»¹⁸. Именно в этом качестве он получил возможность сполна реализовать собственные лидерские качества, уникальные знания и амбициозные проекты. Устраивая очередную облаву на золото, «отец-командир» Аносов еще до начала экспедиции в мельчайших подробностях продумывал систему поисков, не забывая о том, что искать предстоит в тайге, где из-за отсутствия корма сложно использовать лошадей.

«Сообразив, я решил так. Завезти пока рекою провизию на собаках, собрать у тунгусов несколько оленей и в лесу уже по шурфам развозить провизию на оленях»¹⁹. В своем отчете инженер четко объяснил свой выбор. «Олень, как известно, не требует никаких особенных пощений; он всегда найдет себе корм в горах и зимой его вырывает сам из-под снега»²⁰.

Одиночество подвижника

Целеустремленно продвигаясь к намеченной цели, преодолевая одно препятствие за другим, честолюбивый горный инженер не ведал ни страха, ни сомнений. Впрочем, иногда, проезжая через какую-нибудь богатую сибирскую деревню, где достойно жили счастливые люди, Николай Павлович размышлял о другой жизни, в которой есть покой и воля, но нет места беспрестанным поискам. «И невольно тогда думаешь: вот живут же люди, ничего-то им не нужно, кроме своей деревни, а наш-то брат всё чего-то ищет, да закупоривает себя для этого на целый месяц в какую-то избушку, да и летит, Бог знает куда...»²¹

В беспрестанных поисках Аносов провел двенадцать лет. Опасности его не страшили. Смерти он не боялся. «Нам, таежникам, мысль о смерти не страшна, она у нас на каждом шагу, и мы к ней привыкли...»²² Во время скитаний он встречался не только с дикими аборигенами, но и с образованными людьми, поражавшими ин-

* 10–12
Рукопись первой главы записок Николая Аносова и его путевые рисунки.

женера своим всеобъемлющим и примитивным нигилизмом:

«У всех страшная претензия на либерализм. ...Шиком было смеяться над религиею и проч. Мне это очень не нравилось, есть пословица: кто в море не бывал, Бога не видал, я прибавлю то же в отношении Сибирских тайг: Да, там, среди трудов, невольных великих постов, человек более способен углубляться в самого себя, мне приходилось молиться, и как еще. Мне внутренний голос твердил, что моя молитва среди пустыни прямое достигала назначения. ...И смотришь, и дивишься величию картины, и, сознавая свое собственное ничтожество, невольно молишься, бессознательно и без слов»²³.

Именно вера укрепляла и поддерживала Николая Павловича в его скитаниях. В ней находил он утешение и поддержку. На профессиональную поддержку коллег рассчитывать не приходилось. Редкие встречи с членами корпорации горных инженеров Аносова не радовали. «Я слишком ушел от них вперед, и они не переносят этого расстояния, обреченные судьбой на безвыходное положение. Мне было это прискорбно, потому, что я шел к ним с прежней дружбой»²⁴.

Николай Павлович был трагически одинок. И у доморожденных сибирских нигилистов, и у обозленных на жизнь и судьбу горных инженеров самодостаточный и успешный искатель золотых россыпей вызывал лишь нескрываемое и неизбывное раздражение. «Но всё это, прикованное к месту неудачами жизни, зло смотрело на мою свободу»²⁵.

Аносов, действительно, отличался недюжинной внутренней свободой и умением масштабно мыслить. Он успешно поднимался по служебной лестнице. Покровительство генерал-губернатора графа Муравьева-Амурского сулило капитану Аносову в высшей степени заман-

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ БЫЛ ТРАГИЧЕСКИ ОДИНОК. СЛИШКОМ У МНОГИХ САМОДОСТАТОЧНЫЙ И УСПЕШНЫЙ ИСКАТЕЛЬ ЗОЛОТЫХ РОССЫПЕЙ ВЫЗЫВАЛ НЕСКРЫВАЕМОЕ РАЗДРАЖЕНИЕ

чные перспективы: «Ваша карьера идет так блистательно, что вы через четыре года можете быть начальником Нерчинских заводов»²⁰.

Капитан с достоинством ответил графу, что этот избитый и традиционный путь его не прельщает, и покинул казенную службу.

Звездный час изыскателя

Причина понятна. В пореформенной России, где только что отменили крепостное право, не было свободных денег, чтобы финансировать амбициозные изыскательские работы горного инженера, одержимого поиском золотых россыпей. Бешеные деньги были не у государства, бешеные деньги были у нарождающегося российского капитализма.

Аносов понял это раньше многих и решил поступить в частную службу к миллионеру Дмитрию Егоровичу Бенардаки (1799–1870)—таврическому греку, отставному поручику русской службы, помещику, промышленнику, винному откупщику, владельцу заводов и пароходов. Ни-

¹³ Дмитрий Бенардаки.

¹⁴ Белые горы на реке Зее. Рисунок Николай Аносова.

когда Васильевич Гоголь, которого он часто ссужал деньгами, вывел Бенардаки во втором томе «Мертвых душ» в образе предприимчивого помещика и капиталиста Костанжогло. «Медленно богатее тот, у кого какие-нибудь сотни тысяч, а у кого миллионы, у того radius велик...»²¹—утверждал гоголевский персонаж.

Именно так поступил миллионер Бенардаки, тавший деньги на изыскания инженера Аносова, и эта операция стала самой выгодной его инвестицией, многократно окулившей понесенные расходы. В 1862 году к нему поступил на службу Аносов, а уже через несколько лет инженером были открыты богатые россыпи в вершинах рек Янкан и Джалинда. Встреча Аносова с Бенардаки в Петербурге была трогательной. «При виде его я всё забыл, и мы обнялись; и казалось, и знания или труд, мысленно взаимно благодарили друг друга»²².

Горный инженер, не склонный к романтическим изыпаниям, очень колоритно описал в мемуарах тот долгожданный миг, когда им были открыты золотые россыпи:

«Опомнившись от радости, снял шапку, взглянул на небо и перекрестился, без слов поблагодарив Создателя.

Весь я был взволнован и перерожден. Радость и таежные воспоминания стеснили мою душу, и вместе с этим и сознавал вполне, что достиг своей цели»²³.

Это был звездный час в жизни горного инженера Николая Павловича Аносова, и одновременно это была важная веха в истории государства Российского. В этот самый миг Аносов, долгие двенадцать лет стремившийся к личному преуспеянию в неизменном мире, осознал, что его открытие изменит не только его индивидуальную судьбу, но жизнь и судьбу огромного края.

«Дикий Амурский край дает золотые богатства и начнет расти. Я—ничтожная причина—из бедного человека становлюсь обеспеченным»²⁴.

«Прощай, Тайга, здравствуй, Цивилизация»²⁵.

Но свой человек в тайге, он не был принят новой российской цивилизацией.

«Читатель, конечно, из моих потомков, ты хочешь знать цель моих записок? Вот она:

Когда я был в Сибири, среди гор, окруженный приказчиками и командой, которые меня обожали, мне дышалось легко. Я сознавал, что свято исполняю свой долг и, всеми забытый, неустанно трудился, непреклонно следуя по раз избранному пути. Проходили целые годы, лето сменялось неоднократно суровой зимой, а я всё трудился и трудился, и, повторяю, мне дышалось легко. Я не знал тогда света и людской зависти. Когда долголетний труд мой увенчался успехом, зависть с удивительностью назвала меня счастливецом, но отняла мою заслугу: труд и знание...»²⁶

¹ Аносов Н.П. Записки горного инженера. 1830–е–1874 / сост., коммент. П.Ю. Афанасьева, предисл. Е.М. Заблоцкого. М.: Юнона, 2023. С. 179.

² Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М.: Наука, 1983. С. 274 (Литературные памятники).

³ «Россия под надзором». Отчеты III Отделения 1827–1869. Сборник документов / Сост. М. Сидорова и Е. Шербакта. М.: Российский фонд культуры, Российский Архив, 2006. С. 339.

⁴ Гончаров И.А. Обновленная история // Гончаров

И.А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 1. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. С. 265.

⁵ Там же. С. 179.

⁶ Аносов Н.П. Записки горного инженера. С. 18.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Там же. С. 27.

⁹ Там же. С. 28–29.

¹⁰ Там же. С. 64.

¹¹ Там же. С. 36.

¹² Там же. С. 36–37.

¹³ Там же. С. 41.

¹⁴ Там же. С. 40.

¹⁵ Там же. С. 60.

¹⁶ Там же. С. 61.

¹⁷ Там же. С. 61–62.

¹⁸ Там же. С. 62.

¹⁹ Там же. С. 70.

²⁰ Там же. С. 255.

²¹ Там же. С. 91.

²² Там же. С. 123.

²³ Там же. С. 91, 98.

²⁴ Там же. С. 103.

²⁵ Там же. С. 119.

²⁶ Там же. С. 80.

²⁷ Гоголь Н.В. Мертвые души. Том второй // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 7. [М.: Л.] Изд-во АН СССР, 1951. С. 75.

²⁸ Аносов Н.П. Записки горного инженера. С. 191.

²⁹ Там же. С. 159.

³⁰ Там же. С. 160.

³¹ Там же. С. 173.

³² Там же. С. 153.